

* * *

Выбираем ли мы,
    незнакомцы и незнакомки,
в поездах, в городах, на весенней тропе,
выбираем друг друга,
    или нас направляют потомки,
подходящие пары
    к себе примеряя в толпе?
Почему, как слепец,
    полюбил этот умница дуру?
Ты натуру спроси —
    у неё нашей логики нет, —
это дети себе
    выбирают лицо и фигуру,
совершенства ища,
    но совсем не по мерке анкет.
Словно тайный радар —
    засекли, уловили, увидели,
сразу, с первого взгляда, —
    велика она, тайна сия:
предстоящие жители
    себе выбирают родителей
через наши глаза — перископы
    непроглядного до-бытия.

СМЕРТЬ МАМЫ

Не умирала — умерла
перед рассветом в день осенний.
Пирог спекла. Под воскресенье
была по-детски весела.

Не умирала — умерла, —
твержу — сень Божьего крыла
ей миг мучений сократила,
но, Господи, ей страшно было:

свечу зажгла и уронила,
свою жиличку зря звала.

А я, не зная, почему,
как будто кто ударил током,
проснулся в городе далёком,
установился в немую тьму.

В безмолвии со всех сторон,
готов к тому, что нет возврата,
был до того, как телефон
взорвался в доме, как граната.

Себе внушаю виновато:
Был просто сон, стал вечный сон.
Открылась маме тайна эта.
Недолгий страх переключён
ей был на свет иного света.

Но — на полу. Но — не одета.
Одна во тьме. Последний стон...
Прости меня...

* * *

Двадцатый век. Россия. Что за бред?
Сюжет невероятного романа,
Больное сочиненье графомана,
Где не наложен ни на что запрет.

От океана и до океана
Империя, которой равной нет,
Вдруг распадётся и из мглы дурмана
Преображённой явится на свет.

Россия не двуглавой, но двуликой,
растоптанной, великой, безъязыкой,
Отмеченной судьбою мировой,

Встаёт до звёзд и валится хмельной,
И над её последним забудыгой
какой-то гений теплится шальной.

ХЕППИ-ЕНД

Всё кончилось благополучно.
...Волков почуя, бараны
ещё теснее сплотились
вокруг своего пастуха,
который вскинул двустволку,
и волк закружился раненый,
бросился пёс на хищников,
и те ушли от греха.

Всё кончилось благополучно,
как я вам сказал заранее.

Садилось кровавое солнце,
лучи посылая вкось.
Пастух в тулупе овчинном
задумчиво ел баранину,
и преданный пёс лениво
глодал баранью кость...

* * *

Когда до учебных пособий
докатишься в славе своей,
окажешься среди подобий
и выйдешь на свет без теней.

От жизни останутся даты,
вопросы отменит ответ,
стихи обратятся в цитаты,
лицо превратится в портрет...

Побудь же у славы в отгуле,
поспорь со своею судьбой,
пока тебе рот не заткнули
строкой, сочинённой тобой!

* * *

Всё началось с разлуки и смятенья:
почувствовав, что больше не могу
терпеть, молчать, я передал тоску
стихотворенью, а стихотворенье,
которое на славу удалось,
тоску, как эстафету, передало
через года, и ты затосковала,
а я забыл, откуда всё взялось...

ЛЮБОВЬ И ЛИНГВИСТИКА

По-русски
любовь действительно зла:
она не любит множественного числа.
По-русски
любовь легко рифмоваться не любит,
кровь — это слишком серьёзная рифма.
И не зря откликаются эхом
повелительные глаголы —
не прекословь, славословь, приготовь.
Бровь мелькает порой, прочие рифмы не в счёт,
ведь свекровь и морковь — для пародий.
Ах, сочинять бы стихи на языке Эминеску,
где любовь выступает в трёх лицах:
amor, iubire и dragoste.

Первые два обнимаются с сотнями слов,
от рифм глаза разбегаются:
какая прелесть — соединить
iubire (любовь) — nemurire (бессмертье)!
И только dragoste — славянского древнего корня —
и там чурается переклички.

По-русски
мужчина рифмуется запросто,
наверное он —
не слишком уж верная доля любви,
то есть он иногда молодчина,
иногда дурачина, личина, добивается чина,
а женщина — исключительность в слове самом!
дальше всех от неё звуковые подобиа
вроде военщины, деревенщины,
потому-то поэты
избегают с ней встреч на краю стихотворной строки,
а если приходится, то исхитряются,
измышляя тяжёлые рифмы:
трещина, раскрежечена, уменьшена и так далее.
Ну а девушка — и подавно
рифмованию не поддаётся, —
где уж там разгуляться среди неуклюжих
денежка, дедушка, никуда не денешься...
Запрещаая расхожий размен,
русский язык указал
на единственность, неповторимость,
уникальность — имейте в виду
эту любовь, эту девушку, эту женщину,
их неразмениваемость, незаменимость,
невыговариваемость,
неизречённость!

ЗАКЛЯТЬЕ

У преступника руки не связаны,
он гуляет и пьёт вино, —
пусть неузнанным, безнаказанным
до поры остаётся, но
заражается смертью убийца,
кровь его разъедает ржа,
все дела его тленом отмечены,
а глаза, как лишай, обесцвечены,
и лишается духа душа.
Знак бессмертия в нём изуродован,
и его самого без следа
небо в звёздах,
земля и вода
отлучают от хоровода,
исключают из круговорота
мироздания
навсегда.

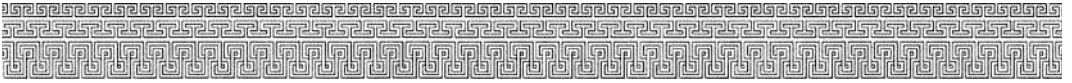
ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Здесь царствовал когда-то я,
здесь были дом, семья,
моя любимая, друзья
и молодость моя.

Да, башни крепости — в строю.
Лиман и небеса...
Калитки, окна узнаю,
былые адреса.

Но время вымыло навек
и выбило из них —
как будто новый был набег —
всех подданных моих.

Такая встреча: город мой
похож и не похож,
переменился — не чужой,
но отчуждённый...
Что ж,

забыв меня, моих друзей,
он, продолжая жить,
музеем юности моей
не собирался быть!

Пускай слетелась на лиман
чужая ребятня:
бежит к лиману мальчуган,
похожий на меня.